

¹⁰ Пирожкова В.А. Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб.: Журнал «Нева», 1998. С. 80.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 137–138.

¹³ Рутченко-Рутыч Н.Н. Среди земных... С. 94–95.

¹⁴ Там же. С. 517.

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА КОНОХОВА

аспирантка кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 324-12-70; E-mail: konohova@bk.ru



В статье анализируются основные направления и тенденции развития студенческого политического «инакомыслия» на примере Ленинградского государственного университета в годы оттепели и начале застоя. Автор также затрагивает тему различных способов борьбы с «нездоровыми настроениями» в студенческой среде. На основе архивных документов КПСС и ВЛКСМ, воспоминаний участников и интервью, собранных автором, рассказывается о крупных диссидентских организациях, сформировавшихся в университете, а также о некоторых неистовых случаях проявления протеста.

Ключевые слова: протест, инакомыслие, диссиденты, студенты, Ленинградский университет, оттепель, XX съезд КПСС, М.М. Молоствов, В.Е. Ронкин, журнал «Колокол», ВСХСОН.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1950–1960-х гг.

Студенчество характеризуется социологами как «наиболее передовая и активная часть молодежи»¹. Этот тезис подтверждается множеством исторических примеров, в том числе и из изучаемого периода. Советские студенты во второй половине XX в. представляли для власти серьезную проблему: они критически воспринимали советскую пропаганду, пытались найти собственные ответы на вызовы времени, стали средой зарождения и пополнения диссидентского движения. Естественно, это не означает, что абсолютно все студенты советских вузов были заражены «нездоровыми настроениями», однако, согласно имеющимся источникам, уровень инакомыслия в студенческой среде был выше, чем в других слоях населения. Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) не только не являлся исключением, но и занимал лидирующие позиции.

Протестное движение в Ленинградском университете в указанный период, естественно, имело свои небольшие особенности, но в целом развивалась в рамках общих тенденций. Поэтому выводы, сделанные относительно Ленинградского университета, могут быть распространены и на другие крупные вузы РСФСР и даже всего Союза. Статья не имеет цели упомянуть абсолютно все проявления студенческого протеста в 1950–1960-х гг. В данном случае важнее и интереснее выявить основные тенденции развития этого явления.

Самым насыщенным студенческой политической активностью стал 1956 г. Говоря современным языком, секретный доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС запустил механизмы формирования «гражданского общества», и студенты приняли в этом непосредственное участие. Уже 5 марта было принято решение об ознакомлении с секретным докладом Н.С. Хрущева членов партии, комсомола и рабочего актива. Так как подавляющее большинство студентов СССР состояли в ВЛКСМ, секретный доклад в течение весны 1956 г. услышали практически все учащиеся вузов. Это относится и к Ленинградскому университету, где в среднем только 3% учащихся не состояли в ВЛКСМ². Молодые люди решили для себя, что они не имеют права повторять ошибки родителей, быть равнодушными созерцателями событий, происходящих в стране.

Это явление совпало с ослаблением идеологического давления в СССР. Аресты и процессы по политическим статьям практически прекратились³, был объявлен курс

на преодоление культа личности И.В. Сталина, коллективное руководство, возвращение к истинному марксизму-ленинизму, идеалам первого революционного десятилетия. Студент факультета журналистики Ленинградского университета так описал атмосферу в высшей школе в марте-мае 1956 г.: «В коридорах – постоянно разговоры. Разрешили нам, студенчеству, немножко расковаться: пошли у нас диспуты, дискуссионные клубы: «Литература и жизнь», «История и жизнь» <...> Кто-то даже <...> процитировал Шекспира: «Подгнило что-то в датском государстве...». И это на дискуссионном клубе, где около ста человек!»⁴

Студенты с радостью восприняли призыв власти к обновлению. Комсомольские пленумы, конференции и собрания превратились из скучных обязательных мероприятий в центры политических споров. Молодые люди, полные юношеского энтузиазма и вдохновленные идеей возвращения к ленинским принципам, старались найти пути улучшения советского строя. Многих студентов не удовлетворило официальное объяснение причин появления культа личности. Однако на первом этапе они решили, что нужно пойти дальше в его разоблачении. Анализируя действительность, активисты чаще всего приходили к одному и тому же выводу: в Советском Союзе сложился строй, при котором элита (партийная верхушка) эксплуатирует население.

В то же самое время местные органы власти, Комитет государственной безопасности, партийное и комсомольское руководство были сбиты с толку поведением Н.С. Хрущева. Чиновники не знали, как себя вести и как реагировать на всплеск «нездоровых настроений» в студенческой среде. Это вылилось в ряд событий, которые привели к громким скандалам в вузах. Приведем лишь несколько примеров из жизни Ленинградского университета в 1956 г.: студент Красильников выкрикивал во время демонстрации 7 ноября «антисоветские» лозунги, толпа отвечала ему возгласом «ура»⁵. На дискуссии «История и жизнь» выступили студенты филологического факультета Бернадский и Эйман. Первый критиковал бюрократизацию советского общества, недостатки в высшем образовании и планировании, а в качестве ориентира предложил Югославию. Второй договорился до того, что демократии в СССР нет, а Н.С. Хрущеву следует занять пост министра сельского хозяйства, а не секретаря ЦК КПСС⁶. Студент философского факультета Н.Д. Солохин во всеуслышание заявил, что «слова, произнесенные на XX съезде, прекрасны, но главное, чтобы они не остались

только на бумаге». Комсомольское собрание вуза отказалось исключить коллегу из ВЛКСМ⁷. Осенью того же года студент философского факультета М.М. Молоствов выступил на общеуниверситетской комсомольской конференции, требуя придания огласке событий в Польше и Венгрии, усиления борьбы с культ личности и т.д. После этого было принято решение осудить на комсомольском собрании факультета «ревизиониста» Молостова. Но комсомольское собрание вынесло осуждение не своему товарищу, а секретарю парторганизации, обвинив его в костности⁸.

Ситуация усугублялась тем, что среди выступавших были лучшие студенты, самые активные комсомольцы, отличники по теории марксизма-ленинизма.

После того как молодежь поняла, что не находит отклик у властей, самая активная ее часть перешла к новым формам борьбы. Многие студенты пришли к выводу, что предпринятые правительством и партией полумеры не приведут к улучшению ситуации в СССР. Власть же к этому моменту ясно дала понять, что на дальнейшие уступки она не пойдет. Хотя серьезных репрессий против выступавших не было, все попытки свободной дискуссии пресекались. Борьба студентов в 1956 г. приняла формы законспирированных подпольных кружков.

Выбор способов и методов борьбы с властью молодежь заимствовала из истории революционного движения. Социолог Б.А. Грушин, исследующий советское общество на основе опросов, проводимых институтом общественного мнения «Комсомольской правды», сделал вывод, что менталитет россиян в начале 60-х гг. XX в. «был в огромной степени несвободным, зависимым от существовавшей в обществе коммунистической идеологии, находившимся в плену как у текущей советской пропаганды, так и разветвленной системы мифов о строительстве «светлого будущего»⁹. Выводы Б.А. Грушина подтверждаются свидетельствами современников. Студент исторического факультета Ленинградского университета в своих мемуарах пишет: «Подводило нас и наше марксистское мышление. От него – вера в привычное сочетание слов, давно потерявших реальный смысл: “пролетариат” <...> “союз рабочих и крестьян” <...> “организация массовой партии” <...> Напичканные марксизмом, мы прилагали рецепты ленинской “Искры” к реалиям самого жестокого тоталитарного аппарата, когда-либо существовавшего в мире»¹⁰.

Таким образом, с одной стороны – «запрограммированность» сознания на установки К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, а с другой – полное несоответствие реальной жизни этим установкам – привели к резкому увеличению популярности идей возвращения к ленинским принципам среди молодежи в 1956 г., а также всплеску революционного идеализма.

Политическая жизнь в Ленинградском университете кипела в течение 1956 г. Достаточно упомянуть дискуссии «История и жизнь», «Литература и жизнь», которые превратились в арену для политических споров, а также встречу студентов ЛГУ с автором одного из самых популярных на тот момент литературных произведений В.Д. Дудинцевым. Студенты, вместо того чтобы осудить писателя за роман «Не хлебом единым», устроили ему овацию. При этом присутствовавшие преподаватели не смогли взять под контроль ситуацию¹¹.

В начале ноября 1956 г. Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос о ситуации в вузах, что нашло отражение в письме ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» от 19 декабря 1956 г.¹². Это письмо стало сигналом к возобновлению репрессий против инакомыслящих, именно с него начался новый курс партии на сворачивание либерализации.

Начались аресты и суды над инакомыслящими. Отдельной статистики по осужденным из числа учащихся Ленинградского университета не обнаружено, однако есть сведения о четырех репрессированных студентах и четырех выпускниках, окончивших университет незадолго

до ареста. Две «подпольные группы» этого периода с участием студентов Ленинградского университета получили довольно широкую известность.

Первая организация, о которой пойдет речь, носила типичное для того периода название – «Союз коммунистов-ленинцев». Состав «Союза» был очень неоднородный: в него входили люди разных возрастов, интересов и профессий. Среди членов «Союза» оказалось два студента физического и один студент исторического факультетов ЛГУ. Несмотря на то, что члены предполагаемого «Союза» собирались отдельными группами на протяжении двух лет, по-настоящему организацией так и не сложилась. Для «Союза» был написан две программы. Авторами одной из них были универсанты Владимир Тельников и Борис Хайбулин. В программе объявлялось, что истинной причиной, породившей культ личности И.В. Сталина, было ограничение партийной и советской демократии. «Разрыв практики с марксистско-ленинской теорией» и «бюрократизацию и загнивание» сросшихся государственного и партийного аппаратов авторы программы называют главными проблемами современного СССР. Для улучшения сложившегося положения авторы программы предлагали следующие меры: предоставить большую власть Советам на местах и возможность контроля общественности над исполнительными органами власти, провести чистку государственного аппарата и партии (по классовому признаку), ввести ограничения функций и полномочий партии, сократить бюрократический аппарат, предоставить свободу мнений внутри партии и т.п. В программе выдвигались требования соблюдения конституционных свобод, установления предельного максимума размера заработной платы для «членов общества, не связанных непосредственно с производством», пересмотра существующей паспортной системы, обеспечения прожиточного минимума для трудящихся и др. О методах борьбы говорилось следующее: «Мы глубоко убеждены в том, что добиться указанных преобразований можно только путем творческой и политической активизации широких масс трудящихся нашей страны...»¹³ Завершалась программа призывом двигаться «вперед к великой цели, завещанной Лениным, к коммунизму». Другим участникам кружка программа не понравилась. Они предложили свой вариант, нацеленный на введение неонэпа в стране. Б. Хайбулин и В. Тельников отвергли эту программу как «буржуазную». В распространении листовок против вооруженного подавления волнений в Венгрии они не участвовали.

Еще один член кружка, студент исторического факультета Геннадий Дмитриев, был, по признанию коллег, самым талантливым на курсе. Ему прочли большие достижения в области медиевистики. У него на квартире и начались собрания «неравнодушной» молодежи в 1954 г. В 1957 г. Г. Дмитриев был арестован вместе с другими участниками кружка. В итоге Г. Дмитриев был осужден на три года лишения свободы, В. Тельников – на шесть, а Б. Хайбулин – на пять.

Вторая группа, о которой пойдет речь, состояла только из универсантов. В литературе она получила название «группа Молостова». Студенты философского факультета Ленинградского государственного университета, среди которых были Алемаксин, Борискин, Гаранин, Козлов, Молоствов, Солохин, Фидаров, Янгуты и др., образовали в 1956 г. кружок. Кружок не имел никакой структуры и постоянного состава участников. На таких встречах друзья делились друг с другом своими мыслями, в том числе и относительно внутренней и внешней политики Советского Союза. Михаил Михайлович Молоствов, самый активный среди своих единомышленников, написал работу «Status quo», в которой попытался с позиций марксизма осмыслить сложившееся в стране положение. На «сборищах» (так сотрудники КГБ называли встречи друзей) М. Молоствов считывал цитаты из «Status quo», а некоторым товарищам даже дал почитать свой трактат. Студенты-философы приходили все к тем же выводам: отступление от ленинских принципов породило культ личности И.В. Сталина, срастание партийного и государственного

аппаратов, бюрократизацию руководящих органов. На заметку сотрудниками КГБ все они были взяты.

Окончив университет, большинство друзей были вынуждены разъехаться по разным городам Советского Союза. Тем не менее некоторые продолжали общаться, в основном переписываясь друг с другом. Особенно активной переписка шла между Козловым, Солохиным и Молоствовым. Летом 1958 г. в Ленинграде встретились Козлов, Молоствов и Гаранин. К этому моменту у Молостова созрела идея создания подпольной группы¹⁴. О своих планах Молоствов рассказал друзьям на встрече в Ленинграде и Солохину в письме от 9 апреля 1958 г.¹⁵. Гаранин и Козлов дали свое согласие на участие в подобной группе. Солохин на письмо товарища ничего не ответил. 23 июля 1958 г. Козлов был арестован¹⁶.

В следующие несколько дней прошли обыски у выпускников философского факультета, замеченных в связях с М. Молостовым. Арестованы были те, у кого нашли «Status quo»: Гаранин, Солохин и сам Молоствов. Они и стали участниками процесса «группы Молостова». Суд проходил в два этапа: первый приговор оказался властям мягким, и вскоре его пересмотрели в сторону увеличения сроков. В итоге Молоствов был приговорен к семи годам заключения, Солохин – к шести, Гаранин – к пяти, Козлов – к четырем¹⁷.

С помощью репрессий 1957–1958 гг. удалось справиться с волной инакомыслия в студенческой среде. Кроме арестов власть использовала и другие методы борьбы с политическим протестом: «проработки» в КГБ, усиление воспитательной работы. Была также проведена реформа образования, изменившая социальный состав учащихся вузов¹⁸.

Несмотря на то что политический протест пошел на спад, избавиться полностью от студенческого инакомыслия не удалось. По документам прослеживается новый подъем «нездоровых настроений» в первой половине 1960-х гг.¹⁹ И хотя он по уровню не может сравниться с 1956 г., власть была снова напугана. В 1966 г. «в связи с антисоветскими, антиинтернациональными событиями» в ЛГУ им. А.А. Жданова был ограничен прием в комсомол, а также прием несоюзной молодежи на такие факультеты, как исторический, философский, юридический, экономический и журналистский²⁰. Партийные органы считали частично виноватой администрацию университета, которая лояльно относилась к студенческим «нездоровым настроениям»²¹.

В Ленинграде в 1960-е гг. действовали две подпольные диссидентские организации, которые привлекают интерес исследователей. В обеих участие принимали студенты Ленинградского университета.

В 1965 г. прошел процесс по делу группы «Колокол». Название группа получила благодаря самиздатовскому журналу «Колокол», который изготовляли и распространяли участники. Не сложно догадаться, что этим названием они пытались обозначить свою преемственность с А.И. Герценом. Группа начала свою деятельность в 1963 г. и достигла самых впечатляющих успехов среди организаций подобного типа. На их счету распространение работы «От диктатуры бюрократии – к диктатуре пролетариата», написанной лидерами «колокольчиков» В. Ронкиным и С. Хахаевым (с ней было ознакомлено около 90 человек²²), издание двух номеров вышеупомянутого журнала, а также распространение листовок. Костяк «колокольчиков» состоял из 14 человек. В 1963 г. к ним примкнул студент биологического факультета ЛГУ Сергей Мошков. В 1964 г. С. Мошков дважды участвовал в распространении листовок: в коридорах исторического и философского факультетов университета и в местах туристических слетов. Содержание листовок соответствовало политическим взглядам «колокольчиков»: после Октябрьской революции и Гражданской войны пролетариат был слишком слаб, чтобы удержать власть и отстоять социализм, поэтому Ленин создал мощный бюрократический аппарат, который впоследствии захватил власть. Авторы листовок призывали вести пропаганду и организовываться

в подпольные кружки для воплощений принципов истинного ленинизма в жизнь. С. Мошков был осужден на четыре года заключения. Во время следствия и суда он не каялся, вину не признал. В ответ на обвинение судьи в создании подпольной организации заявил, что если бы это было правдой, то «еще не известно, кто бы оказался на скамье подсудимых», намекая на судью²³.

В 1960-е гг. в Ленинградском университете сложилась подпольная организация, на первый взгляд сильно отличавшаяся от всех других. Ее название раскрывает политические взгляды членов – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН). Лидерами ВСХСОН считаются четыре студента Ленинградского университета: И.В. Огурцов (восточный факультет), М.Ю. Садо (восточный факультет), Е.А. Вагин (филологический факультет) и Б.А. Аверичкин (юридический факультет). Всего в организацию входило 28 человек. Для подпольной группы – это очень много. В историографии ВСХСОН считается самой массовой подпольной организацией в СССР. Союз резко выделяется на фоне других своей жесткой структурой: все члены делились по «тройке» и «взводы»²⁴. Каждый новый член ВСХСОН по «Уставу» должен был завербовать хотя бы одного человека и начать формировать свою «тройку». Члены организации знали друг друга только внутри «троек». Данная мера должна была обезопасить всех членов в случае ареста «тройки». «Тройки» объединялись в «взводы». На каждом «взводе» лежала своя миссия: изучение какого-либо стратегического объекта и подготовка к его бескровному захвату. В реальности первый «взвод» только начал формироваться незадолго до ареста. Несмотря на воинственную риторику, зафиксированную в «Программе» и «Уставе», члены ВСХСОН по решению руководителей ограничивались самообразованием и вербовкой новых сторонников. На первый взгляд мировоззрение членов Социал-христианского союза, их деятельность и стиль поведения сильно отличались от всех известных подпольных организаций. Свою программу ВСХСОН основывал на принципах социал-христианства; большую роль в жизни участников союза играла религия (смесь православия с мистицизмом) и религиозная философия. Однако и на членов ВСХСОН советские штампы оказали сильное воздействие. Особенно ярко это отразилось в «Программе», написанной И.В. Огурцовым. И.В. Огурцов, как и М. Джилас, делил советское общество на узурпаторов власти (бюрократию) и народ, а главной проблемой он называет превращение всей собственности в государственную: рабочие не владеют средствами производства, крестьяне – землей, а интеллигенция – правом на интеллектуальную свободу²⁵. Устройство идеального государства Огурцов видел следующим образом: земля должна принадлежать народу, ее нельзя продавать или покупать, но она может быть предоставлена в индивидуальное пользование на длительный период времени. Средства производства необходимо отдать коллективам, вкладывающим свой труд. По мысли И.В. Огурцова, Верховный Совет, состоящий из самых уважаемых людей государства (на 1/3 из православного духовенства), должен следить, чтобы политика, экономика, социальная сфера соответствовали принципам социал-христианства. Таким образом, ВСХСОН стремился к построению все того же социализма. Методы борьбы идеологи ВСХСОН также заимствовали из истории. Структура их организации сильно напоминает кружок С.Г. Нечаева, хотя прямых свидетельств того, что Огурцов копировал именно эту группу, нет. ВСХСОН своим устройством частично напоминает КПСС, например делением партии на членов и кандидатов в члены и существованием «идеологического отдела». Лидеры союза также активно обсуждали такие методы борьбы, как вооруженное восстание, захват важных объектов в городе и т.п. В своей же повседневной риторике лидеры союза призывали рядовых членов к отказу от большевистских методов борьбы вроде вовлечения больших масс в деятельность организации, распространение листовок и т.д. Однако И.В. Огурцов все-таки чувствовал, насколько сознание людей впитало в

себя советскую идеологию. Рядовому члену, который призывал руководителей к активным действиям, он ответил так: «Наша задача – собирание сил. Что это такое? Прежде всего – это самовоспитание. Это непрерывная внутренняя борьба по изживанию в себе семян, всех ростков, всех сорняков большевистской заразы...»²⁶ Таким образом, лидеры ВСХСОН хоть и не разделяли марксистских взглядов, окончательно избавиться от штампов советской идеологии не смогли.

Судебный процесс по делу ВСХСОН был разделен на две части. Лидеры обвинялись по статье 64 УК РСФСР (измена Родине) и получили очень большие сроки заключения: И.В. Огурцов – 15 лет, М.Ю. Садо – 13 лет, Е.А. Вагин и Б.А. Аверичкин – 8 лет²⁷. По второму процессу осуждены 17 человек (статья 70 УК РСФСР).

Студенческий политический протест продолжал развиваться в том же русле вплоть до 1980-х гг. В 1970-х гг. снова появился ряд подпольных организаций, добивавшихся

возвращения к истинному марксизму-ленинизму, были распространены и одиночные проявления «инакомыслия».

Таким образом, студенты Ленинградского университета не были бездумными пешками, слепо доверявшими пропаганде. Они старались самостоятельно анализировать окружающую обстановку, найти свои методы решения проблем, а многие из них, имея все шансы удачно «устроиться в жизни», пожертвовали внешним благополучием ради борьбы за родину и правду. Конечно, большинство из них не смогло вырваться за рамки марксизма, но необходимо помнить, что они жили в условиях информационного дефицита, следовательно, до всего, даже до самых простых выводов, вынуждены были добираться самостоятельно, без опоры на уже имеющийся опыт. Все вышеперечисленные примеры доказывают, что Ленинградский университет готовил не только хороших специалистов, но и достойных граждан своей страны.

¹ Зубок Ю.А. Студенчество // Социология молодежи: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 491.

² Объяснительная записка к годовому статистическому отчету на 1 января 1966 г. по работе Комитета ВЛКСМ ЛГУ им. А.А. Жданова // ЦГАИПД СПб. Ф.К-598. Оп. 25. Д. 98. Л. 25.

³ 58.10. М., 1999. 994 с.

⁴ Интервью Коноховой А.С. с Солохиным Н.Д. 28.04.09 // Личный архив автора.

⁵ Письмо первого секретаря ЛОК КПСС Ф.Р. Козлова первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о всплеске «антисоветских» настроений и методах борьбы с ними, 17 дек. 1956 // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 85.

⁶ Информация о ходе изучения материалов и решений XX съезда КПСС комсомольцами и молодежью Ленинграда и Ленинградской области // ЦГАИПД СПб. Ф.К-598. Оп. 10. Д. 244. Л. 44.

⁷ Интервью с Н.Д. Солохиным // Личный архив автора.

⁸ Интервью с Е.М. Молоствовой // Личный архив автора.

⁹ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: В 4 кн. М., 2001–2006. Кн. 1: Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 524.

¹⁰ Гидони А. Солнце идет с Запада. Торонто, 1980. С. 50.

¹¹ Доклад секретаря Ленинградского ГК КПСС Спиридонова на пленуме Ленинградского ГК КПСС 13 декабря 1956 // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 73. Д. 42. Л. 34.

¹² Письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» от 19 дек. 1956 г. // Реабилитация: как это было, фев. 1956 – нач. 80-х гг. / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 208–214.

¹³ Из проекта программы «Союза революционных Ленинистов» // Крамола. М., 2005. С. 354.

¹⁴ Протокол допроса обвиняемого Молостова Михаила Михайловича 22 сен. 1958 г. // Архив НИЦ «Мемориал». Фонд «Молостовов 1958»

¹⁵ Обвинительное заключение по делу 11-58 // Архив НИЦ «Мемориал». Фонд «Молостовов 1958».

¹⁶ Иофе В.В. Необходимое дополнение // Молостов М.М. Из заметок вольнодумца. СПб., 2003. С. 24.

¹⁷ Приговор, вынесенный 19 дек. 1958 г. по делу группы М. Молостова // Архив НИЦ «Мемориал». Фонд «Молостовов 1958».

¹⁸ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Вестник высшей школы. 1959. № 1. С. 6–13.

¹⁹ Болдовский К.А. «Нездоровые и антисоветские проявления...» Справка Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области от 27 июля 1927 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 258.

²⁰ Объяснительная записка к годовому статистическому отчету на 1 января 1966г. по работе Комитета ВЛКСМ ЛГУ им. А.А. Жданова // ЦГАИПД СПб. Ф.К-598. Оп. 25. Д. 98. Л. 25.

²¹ Доклад заведующего отделом науки, школ и культуры ЛОК КПСС на совещании руководителей партийного актива вузов «Окоммунистическом воспитании студентов вузов Ленинграда в процессе обучения», 25 мая 1962 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 119. Д. 252. Л. 11.

²² Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. М.; Вильнюс, 1992. С. 305.

²³ Интервью автора с В.Е. Ронкиным // Личный архив автора.

²⁴ Лурьи Ю. На процессе ВСХСОН // Новый журнал. Кн. 119. С. 121.

²⁵ Бородин Л. Без выбора. М., 2003. С. 93.

²⁶ Коносов М. Сгореть бенгальским огнем // Невское время. 1993. 13 авг.

²⁷ Приговор по делу руководителей ВСХСОН // ВСХСОН: Материалы суда и программа. Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 36.